

Леонид Ерёмин

Тун

Рождение шамана

Леонид Ерёмин

Тун. Рождение шамана

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22035566

ISBN 9785448338144

Аннотация

Шаманами не рождаются. Или рождаются? Что делать, если привычный мир стал зыбким и туманным, а то, что вчера еще воспринималось как бред, фантазия или дурной сон, стало реальностью? Предков не выбирают, поэтому Дока, попав в ловушку, подстроенную самим временем, принял вызов и, в поисках выхода, не раздумывая отправился в путешествие по зыбкой, еле заметной тропе, протоптанной его пращурами.

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	32
Глава 4	41
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Тун

Рождение шамана

Леонид Ерёмин

© Леонид Ерёмин, 2017

ISBN 978-5-4483-3814-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тысячи лет назад один человек, подумав, осторожно вложил остро отточенный камень в углубление деревянной палки, другой, почувствовав неладное, вывел испуганных соплеменников из-под рухнувших через мгновение сводов пещеры, третий – ревел как зверь, кричал как птица, но с неизменным успехом избавлял от страданий всех, настигнутых недугом. Эти люди видели сны, а, проснувшись, объясняли

народу, что такое жизнь и что такое смерть.

Предков не выбирают, поэтому Дока, попав в ловушку, подстроенную самим временем, принял вызов и в поисках выхода, не раздумывая, отправился в путешествие по зыбкой, еле заметной тропе, протоптанной его пращурами.

Глава 1

*Путь – это хранилище всех вещей, Сокровищница
для добрых людей
и убежище для недобрых¹*

«Ничто не предвещало...», так, пожалуй, точнее всего можно было бы начать, обращаясь к событиям, произошедшим накануне того злополучного дня, когда жизнь Доки развернулась, как минимум, перпендикулярно и понеслась по каким-то своим, ведомым только ей магистралям.

Собственно, Дока, сероглазый, худощавый паренек, стал «Докой» всего пару лет назад, когда учитель, определяя кому и по какому предмету выступать на межшкольной олимпиаде, заметил: «Ну, а историю у нас представит специалист, так сказать, дока² в этом деле, Саша». Так Санька Докучаев одновременно и превратился в «Доку». Кличка приклеилась намертво, вплоть до того, что так его дома стали звать родители. На жизнь это никак не повлияло, кличка была не обидная, а так, скорее констатация его способностей все схватывать на лету и, не обладая глубокими знаниями, быть «в кур-

¹ В качестве эпиграфов к главам использованы фрагменты текстов «Дао-Дэ Цзин» по кн.: Лао-цзы. Дао дэ Цзин / Сост. и перевод В. В. Малявина. – М.: Феория, 2010.

² Дока (разговорное) – знаток, мастер своего дела, ловкач.

се» большинства происходящих событий.

Об этих своих способностях и размышлял Дока воскресным утром, медленно проходя мимо центрального Дома культуры. Рядом с величественным зданием прилепилась маленькая деревянная юрта. «Юрта – традиционное жилище кочевых народов Азии...», – неожиданно для себя припомнил Дока статью в энциклопедии, глядя на деревянный восьмиугольный цилиндр, накрытый пирамидальной крышей. Еще три вещи беспокоили его: воспоминание о вчерашнем посещении музея, небрежно болтающийся на пальце брелок и сон. Именно они и «выгнали» Доку из дома поутру – нужно было спокойно всё обдумать.

Вчера получилось странно. Ничего особенного от экскурсии со своими одноклассниками в музей он не ожидал. Бывал в нем уже несколько раз – скучновато. Лишь в зале, где были расставлены каменные идолы, рогатые, трехглазые божества далеких времен, обычно удавалось вынырнуть из состояния легкого сонного одурения. Так было и на этот раз. Заслушавшись экскурсовода, Дока нечаянно, но ощутимо задел плечом за выступающий угол красной каменной плиты с изображением крупной фигуры, которую можно было бы принять за человеческую, если бы не пучок солнечных лучей, расходящихся во все стороны от круглой головы.

Мысленно чертыхнувшись, Дока осмотрел правое плечо, на светлой рубашке заметно темнело пятно, от которого он решил немедленно избавиться. Именно в этот момент всё и произошло. Когда рука приблизилась к испачканной рубашке, пятно мягко перепрыгнуло на ладонь и . . . постепенно исчезло, как бы втянувшись под кожу в районе запястья. Дока ничего не почувствовал, списав произошедшее на полумрак, царивший в зале, и игру теней от проходивших мимо одноклассников, тоже не обративших на происшествие никакого внимания.

А после обеда к ним домой в гости неожиданно приехал двоюродный дядя мамы – сухонький седой старичок с раскосыми внимательными глазами на изборожденном морщинами смуглом лице. Дока знал о его существовании, но никогда не видел и даже не помнил точно, как зовут деда – то ли Сан-

кой, то ли Чанкой. Мама тоже была ошарашена неожиданным появлением дальнего родственника, но виду не подавала и быстро накрыла на стол. Вместе с обычной снедью на столе оказались гостинцы, привезенные дедом: сухие кисло-соленые сырные шарики, тонко нарезанные пластинки сушеного мяса, какие-то пахучие, но очень вкусные маленькие луковички. Дед говорил мало, больше молчал. Получалось это у него весомо и многозначительно. Насытившись, старик жестом подозвал Доку и, когда тот покладисто приблизился, стал точными и экономными движениями рук, что-то при этом бормоча, водить вдоль тела паренька. «Сбрендил!» – мысленно ахнул Дока, догадавшись по выражению лица матери, что та подумала о том же. Но деда, видимо, совсем не беспокоило, что о нем думают родственники, резко вскинув голову, он напряженно вглядывался куда-то вверх и вправо, во что-то, находившееся над головой Доки. Через несколько секунд старик расслабился и глянул уже прямо на Доку – по-доброму, но как-то жалостливо. Покивал седой головой и вдруг резко швырнул парню звякнувший металлом предмет. Дока от неожиданности отпрянул, умудрившись при этом довольно ловко поймать, как ему показалось, брелок. На железном кольце висел отливающий желтизной кругляш, покрытый тонкой резьбой, рядом с ним болталась стальная стрелка. «Хам! Хам!»³ – одобрительно покивал головой странный гость, потом стремительно повернулся, при-

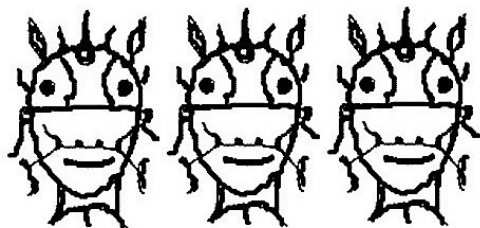
³ Хам (от хакасского) – шаман, проводящий магические мистерии – камлания.

обнял мать и, с похвальной для его лет скоростью, устремился к выходу. Хлопнула входная дверь, и мать с сыном остались одни. Всё произошло так быстро, что в голове у Доки не успело созреть ни одной мысли. Мама же, пожав плечами, ограничилась словами: «А, у них всё слегка того... с юмором», подтвердив для сына реальность существования доселе неизвестных в его жизни «их».

А ночью Доке приснился кошмар. Будто лежит он, Санька Докучаев, в постели и так хорошо ему, так томно. В открытое окно ветерок задувает, птички щебечут. Вот и на подоконник две птахи сели. Скачут себе, крошки ищут. А головки у них какие-то странные. Пригляделся Дока, и как будто холодом пахнуло – не птичьи у них головки-то, а бычьи! Вон и рога виднеются, два глаза у каждой черные, неживые, а третий, посредине лба, красным углем горит. Тут одна птичка повернулась и крылышком так ему машет, мол, руки-то протяни. Вытянул Дока руки, птички лапками в них вцепились и выпорхнули на улицу, Дока – за ними. Летит он между птичками, тело легкое-легкое, как тряпочка, на ветру развеивается. Глянул Дока вниз, а города уже и не видно, черные горы, покрытые тайгой⁴, под ними махровым полотенцем раскинулись. Вот в центре темного полотна загорелась яркая точка, которая быстро приближалась, превращаясь в красивую белоснежную вершину. Птички подлетели к скале и бережно опустили свою ношу у ее подножья. Дока внутренне

⁴ Тайга – обширные хвойные леса Сибири.

сжался, ожидая обжигающего холода от заснеженной вершины. Но нет, только теплая гладкая поверхность камня вокруг. «Где я?» – оглянулся он по сторонам, а когда повернулся, птичек уже и след простыл, растворились в оглушающей безлизне. Откуда-то из-за скалы послышалось монотонное бормотание, Дока пошел на звук. Звук то приближался, то удалялся, будто играя с ним в прятки. Заглядывая за очередной уступ, Дока споткнулся на ровном месте и, больно ударившись коленом, упал. Удивительная картина открылась ему, когда удалось, наконец, очистить глаза от припорошившей их белой пыли: на небольшой площадке у скалы стояла железная не то бочка, не то ванна, вокруг которой сидело три странных существа.

Они были огромные, но какие-то нескладные. Из одежды – только набедренные повязки. Головы их по форме напоминали сердечки, с большими круглыми глазами. Бровей не было вообще, из-за чего глаза казались еще больше. Звук,

который Дока принял за бормотание, издавал самый крупный рыжеватый детина. Время от времени он ритмично постукивал ладонью по скале, отчего та вздрагивала, осыпая окрестности белой пылью. Еще один был совершенно белым, даже слегка зеленоватым. Он сидел, закрыв глаза, перед емкостью и, шумно вздыхая, помешивал в ней воду длинной, в рост человека, палкой. Третий, буровато-черный, весь покрытый то ли шерстью, то ли щетиной, быстро ходил по площадке, постоянно оглядываясь, словно пытаясь что-то отыскать. Он то и заметил Доку, и приветливо замахал лапами, подзывая. Гигант мягко взял паренька за руку, подвел к бочке, что-то бормоча, показывая то на бочку, то на Доку, постоянно при этом кивая головой. Потом неожиданно встал на одно колено и согнулся, став удивительно похожим на большой валун в виде двух ступеней, верхняя часть которых упиралась в край бочки. «Кажется, он предлагает мне помыться», – решил Дока. Одежды на нем, за исключением нижнего белья, не было, поэтому после некоторых колебаний он все же осторожно поднялся по импровизированным ступеням и погрузился в воду. «О-о-о! Блаженство!» – вода доходила ему до подбородка и пахла чем-то пряным, горьковатым.

Белый великан, тихо раскачиваясь, засвистел, и Дока вдруг почувствовал, что с каждым его движением вода в бочке становится все горячее. Рыжий стучал, Белый свистел, Черный, ободряюще улыбаясь, кланялся, и тут до Доки до-

шло – это не бочка, а большой котел, его просто-напросто... варят! Терпеть больше не было мочи, и, тонко взвизгнув, он ухватился за торчащую из воды палку, птицей вылетев из котла. Переведя дух, Дока оглянулся и замер, оцепенев от ужаса: его тело, красное, безвольное, продолжало плавать на поверхности бурлящей в котле воды. «Как же это!..» – он боялся пошевелиться, как будто неподвижность могла сохранить тонкую связь его с бывшим телом. А существа продолжали деловито суетиться. Черный подскочил к котлу, выхватил оттуда разваренное тело и встряхнул его как половик. Дока закрыл глаза, но и это не помогло, до его слуха донесся отчетливый стук падающих на камень костей. Когда он открыл глаза, все три гиганта, сгрудившись, деловито пересчитывали кости, ...его кости. Вдруг черный радостно вскрикнул, высоко подняв зажатую в лапе кривую косточку, и Дока неожиданно понял: «Есть! Есть лишняя!» Его товарищи одобрительно заворчали. Рыжий, развернувшись, наотмашь ударил на этот раз не по камню, а по котлу, тот с басовитым гудением исчез где-то на вершине скалы. Белый подошел к лужице, образованной пролившейся из котла воды, поднял валяющуюся рядом палку и стал энергично помешивать, сбивать в одну массу воду, пыль, грязь. Несколько хлестких ударов по однородной серо-красной грязи, и на камнях лежало что-то, напоминающее человеческое тело. Черный подошел к Доке, бесцеремонно схватил его за загривок и поволок к этой куче. Не сбавляя шага, он с размаху швырнул

Доку прямо в грязь. Бросок был такой силы, что парня буквально впечатало внутрь уже начавшего твердеть раствора. Первые мгновения он ничего не видел и не слышал, только ощущал раздирающую внутренности боль. Прошла, как ему показалось, вечность, и боль стала отступать. Он с трудом поднял голову и, встав на четвереньки, отполз на несколько шагов от места падения. Поднял дрожащую руку, чтобы очистить забитые грязью глаза, но этого не потребовалось, глаза были чисты. Дока осмотрел свое тело – грязь быстро впитывалась в кожу, боль уходила, тело наливалось здоровой силой. Вскочив на ноги, он осмотрелся, площадка была пуста, ее обитатели исчезли. Вновь обретенные силы побуждали к действию, но сделать ничего он так и не успел. Какой-то гудящий звук заставил его насторожиться. Дока поднял голову и увидел летящий на него прямо с небес огромный рыжий кулак. Он зажмурил глаза и попытался увернуться, кулак ударил точно в середину лба. Дока взмыл в воздух и, увидев приближающуюся скалу, напряг всё тело, сгруппировался в ожидании страшного удара и... проснулся.

Он лежал на полу, рядом с кроватью, весь мокрый, обмотанный простыней. За окном серел рассвет, а сердце у Доки пело и ликовало – «Это просто сон!!!». Осторожно, сантиметр за сантиметром, осмотрел он свое тело – всё в порядке, никаких изменений! Впрочем, две детали, все же, привлекли внимание Доки, а позже ввергли в глубокую задумчивость, выгнавшую его на пустынные утренние улицы. На за-

пятье левой руки обнаружили тонкие, напоминающие тауировку, красновато-бурые линии, подозрительно похожие на голову вчерашнего солнцеголового божества. На колене набухла ссадина в виде подковы, точно такую он поставил себе во сне, споткнувшись о белый валун. Откуда они могли взяться? Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего правдоподобный ответ, голову Доки не посещало.

Пройтись, проветриться, мысленно воссоздать еще раз яркие картинки недавнего сна – этому порыву он и поддался, тихо выбравшись из дома, прихватив, непонятно зачем, брелок, так странно доставшийся ему вчера в подарок.

Дока шел, рассеянно покручивая на пальце брелок, который приятно звякал, задавая ритм ходьбе. «Итак, кто это были: люди, большие обезьяны, гоминиды-мутанты?» – который раз пробегал он по кругу предположений. Сосредоточиться на размышлениях мешал усиливающийся гам ворон, вольготно расположившихся на вершинах тополей, прилегающих к Дому культуры парка. «Стоп! Да я же их видел! Вчера в музее, изображения на камне в углу зала!» – от неожиданности Дока даже остановился. Брелок из-за резкого движения сорвался с пальца и, описав короткую дугу, упал в центр не до конца замерзшей лужи. Мысленно чертыхнувшись, Дока заозирался в поисках достаточно длинного прута, чтобы вытащить лежащую в грязи вещь. Но не успел он ступить и шага, как откуда-то сверху, отчаянно работая крыльями, слетела ворона, она на мгновение за-

висла над лужей, быстрым движением клюва зацепила брелок, после чего грузно и медленно спланировала на крышу юрты.

Придя в себя от изумления, Дока, подбежав к юрте, запрыгал, замахал руками, надеясь спугнуть птицу. Но старая, это было видно по проплешинам на голове, ворона не испугалась. Глянув презрительно бусинкой глаза на скачущую длиннорукую фигуру, она вперевалочку, тяжело таща в клюве брелок, подошла к дымоходу на самой макушке крыши и... спрыгнула вниз. Дока задохнулся от возмущения, бестолково забегал вокруг юрты. Наконец сообразив, что у жилища есть еще одно отверстие, остановился перед деревянной дверью. Глухая, хорошо подогнанная дверь не внушала никакого оптимизма и не сулила быстрого решения проблемы. Пытаясь хотя бы услышать, чем занимается в юрте «эта старая карга⁵», Дока прильнул к дверному косяку и неожиданно почувствовал ухом какое-то движение – дверь явно качнулась. Он наудачу неуверенно толкнул ее от себя, та на удивление легко поддалась, но потом жестко уперлась во что-то, образовав лишь небольшую щель. Минуты три ушло у Доки на то, чтобы он, оторвав две пуговицы на куртке, испачкав на коленях брюки, протиснулся внутрь юрты, рухнув при этом на твердый земляной пол.

Полумрак, тихо, нигде не слышно ни шороха. Жутковато стало Доке. Заныла ссадина на колене, отчаянно зачесалось

⁵ Карга, харга (от хакасского) – ворона.

запастье со странным рисунком. Он внимательно, по кругу, осмотрел все углы юрты в поисках притаившейся вороны – пусто! Медленно подошел к давно потухшему очагу, в серой золе, под рассыпавшимся в пыль пеплом лежал ...вожделенный брелок. Лежал так, как будто был брошен в еще пылающий костер.

Во всём: в приоткрывшейся так вовремя двери, в тусклом свете юрты, в исчезнувшей невесть куда вороне, в припрятанном под пепел брелоке – таился какой-то подвох. Следующее движение Дока делать не хотел, это сделала за него его левая рука. Уверенно потянувшись, она крепко ухватила за блестящее в центре очага кольцо брелока и рванула его на себя. Однако рывка не получилось, получился толчок, кто-то с силой ткнул Доку сзади, между лопатками, и с глухим вскриком тот рухнул вниз головой, прямо в центр очага.

«Хорошо хоть падать недалеко» – успела мелькнуть мысль в голове Доки, прежде чем он зарылся лицом в мягкий пепел, слишком мягкий. Настолько мягкий, что голова, плечи, руки погрузились в него целиком. Причем движение вперед продолжилось, и у Доки возникло ощущение, как будто его засасывает в упругую, бесконечно длинную трубу. Что-то шелкнуло, руки и ноги рванулись в разные стороны, и его с размаху шмякнуло обо что-то красное и твердое. Вздохнуть Доке не удавалось, со всех сторон навалилась страшная тяжесть. Он бился в поисках выхода о шершавую красную стену. Уже слабея, в отчаянии саданул по стене кулаком

левой руки. Мелькнула у запястья желтая вспышка, и Дока с удивлением увидел, как рука по локоть провалилась прямо вглубь каменной стены, причем кулак, похоже, выскочил куда-то наружу. Размышлять над этим времени не было, он активно заработал кулаком, расширяя небольшое углубление в камне. В эту щель из последних сил и втиснулся Дока. Еще раз что-то щелкнуло, и он вновь с размаху шлепнулся на земляной пол какой-то юрты. То, что это не «та» юрта, ему стало понятно по груде сваленных в углу у входа причудливой формы металлических котлов какого-то нежного зеленого цвета. Впрочем, времени осмотреться у Доки не было, по инерции его буквально вынесло через открытую дверь юрты на улицу, которая оказалась покрытым редкой травой горным склоном. Дока на животе проехал несколько метров и, наконец, остановился.

Глава 2

*Умеющий ходить не оставляет следов.
Умеющий говорить никого не заденет словом*

Сначала он долго и с наслаждением дышал. Потом, перевернувшись на спину и спустив ноги вниз по склону, лежал и смотрел в глубокое синее небо. Когда же основательно подмерз, то сел, осмотрел и ощупал себя. Итог был неутешителен: одежда порвана, руки разбиты в кровь, весь покрыт сажей и каменной крошкой, а главное – в голове пугающая, звенящая пустота и полная неспособность как-то объяснить произошедшее. Из плюсов – буквально влипший в левую ладонь брелок.

Пить, очень хотелось пить. «Надо вернуться в юрту и поискать воду», – решил Дока. Обернулся – нет ничего!

Нет, юрта, конечно, была и не одна: юрты, шалаши, избы и бродящие на их фоне стада быков, коз и оленей прекрасно

смотрелись на гладкой поверхности невысокой красной скалы. Но это рисунки, а юрты, откуда Доку вышвырнула неведомая сила, нигде видно не было. Он прошел в одну сторону, потом в другую, поднялся на горку над наскальными рисунками, спустился вновь к подножью – юрты нет как нет. После всего произошедшего с ним ранее способность удивляться у Доки почти исчезла. Тупо потоптавшись перед скалой, он зачем-то пальцем постучал по изображению большой юрты. Потом наклонился поближе, рассматривая стоящую рядом с жилищем странную фигуру в балахоне с раскинутыми руками. Откуда-то пахнуло свежим навозом и дымком. Дока отстранился – запах исчез, придвинулся – запах появился. Вдруг ему показалось, что у фигуры на камне шевельнулся зажатый в левой руке предмет. С одной стороны, до боли в глазах, вглядываясь в рисунок, Дока понимал, что видит перед собой примитивную, созданную при помощи точек, нанесенных на камень, человеческую фигуру. С другой – каким-то внутренним взором он отчетливо видел суховатого, одетого в кожаные штаны и меховую накидку старика. Его седые волосы укрывала остроконечная шапка, в правой руке была зажата колотушка, в левой – маленький, раскрашенный синими и красными полосами, шишковатый по краям бубен. Старик, поигрывая колотушкой, пристально смотрел на Доку. Вот его губы шевельнулись и что-то прошептали. Чтобы услышать, что он говорит, Дока буквально приник к скале ухом.

– Иди вверх по реке. Оживи его. Отдай светящемуся камню одну силу – возьми другую. Пока слабый – берегись бурных и желтых! – отчетливо услышал он.

– А? Какая река, какой камень? – ошарашенно переспросил Дока, но мираж исчез, разговаривал он уже с холодным мертвым песчаником.

Откуда-то сверху задул студёный ветерок. «Что бы со мной ни происходило, но выбираться надо, ночью замерзну», – решил Дока и впервые более внимательно взглянул на место, куда его занесла нелегкая. Он стоял у края небольшой степной долины, окруженной поясом невысоких гор, над ними вторым ярусом возвышались горы побольше. Для того чтобы осмотреться, идеально подходила возвышенность, склон которой начинался в каких-нибудь двух сотнях метрах. Теряя дыхание, Дока бегом кинулся вверх по склону. Во время сумасшедшего бега, а торопиться было нужно – день короток, солнце же неумолимо близилось к зениту, он несколько раз, достигнув предела физических возможностей, неожиданно открывал в себе второе дыхание. В такие моменты Дока совершал какие-то невообразимые вещи: разом перемахнул через заросшую колючим кустарником ложину шириною в десяток метров, практически без помощи рук буквально взлетел на трехметровую скалу, и всё это не сбавляя темпа. «Видел бы меня сейчас мой физрук», – завязла в голове дурацкая мысль. Впрочем, до вершины, спустя несколько минут, он добирался, полностью лишившись

сил, почти ползком.

Отдышавшись, Дока окинул взором окрестности и замер в восхищении: вокруг, во все стороны простиралась эпическая картина степной, но при этом горной страны. Бугры, возвышенности, сопки, горки, горы переплетались в какой-то немыслимой красоты узор. Лишь с одной стороны это буйство стремящейся к высоте формы ограничивалось сверкающими водами величественной реки. Выше по течению линию горизонта оформлял изящного вида горный гребень. «Так я знаю, где я нахожусь!» – обрадовался Дока. «На шестьдесят километров, за доли секунды! Как! Как это могло получиться!» – посетила его следующая отрезвляющая мысль. Однако хорошее настроение быстро к нему вернулось: «Если я правильно помню, сейчас нужно спуститься к тому месту, откуда я прибежал, пройти вдоль хребта шесть километров, а там будет большое село и хорошая асфальтовая дорога. К вечеру вернусь домой!».

Он повернулся, чтобы отправиться в обратный путь, как вдруг над правым плечом с басовитым гулом рассерженного шмеля пролетел какой-то предмет, через секунду еще один – чиркнул рядом с виском, оцарапав ухо. Дока, конечно, готов

был поразмышлять над неожиданным происшествием в виде летающих стрел и, скорее всего, следующим выстрелом был бы убит. В который раз его выручили дремавшие доселе неизвестно где инстинкты. Они мгновенно подогнули ему колени и втиснули тело в незаметную горизонтальную щель на плоской каменистой вершине горы. Через несколько секунд тихий шелест многочисленных ног возвестил, что мир вокруг заполнен не только говорящими рисунками, красивыми горами и величественными реками, но и вполне обычными, почему-то жаждущими его крови соотечественниками. Дока перестал дышать и даже закрыл глаза. Над ним зазвучали гортанные вскрики, и затихающий вдали топот подсказал, что опасность, кажется, миновала. Дока выполз из щели и успел увидеть удаляющийся отряд, человек в пятнадцать – это мужчины невысокого роста, но с широкими плечами и, это хорошо было видно даже на расстоянии, очень мускулистые. Одеты они в кожаные штаны, кожаные же накидки, которые были закреплены на шее, на бегу развевались подобно знаменам. В руках – короткие копья и луки. Еще Дока понял, что спастись ему бы все одно не удалось, если бы не случай. Позабыв обо всём, мужчины преследовали скачущего вниз по склону крупного зайца. Отряд охотников уже скрылся из виду, причем в том направлении, куда собирался идти сам Дока. «Ну, что же, вверх по реке, так вверх по реке», – безнадежно подумал, почесав оцарапанное ухо, Дока, вспомнив совет седовласого старца

и вздохнув, потрусил туда, откуда пришли жутковатые любители зайчатины.

Он бежал, время от времени переходя на шаг. Перебираясь с холма на холм, обегая горки побольше, старался не думать ни о чем, включая недавнюю возможную кончину «при загадочных обстоятельствах», только бег и шаг, шаг и бег. В себя Дока пришел, когда поднимался по склону прибрежной горы, похожей на огромную окаменевшую морскую волну. «Так это же я километров двадцать отмахал!» – подивился он в который раз на свои возросшие физические возможности, перебираясь через уходящую за горизонт невысокую, явно искусственного происхождения стенку, составленную из положенных в несколько рядов друг на друга камней. Недалеко от стены, хорошо заметные в лучах заходящего солнца, паслись несколько косуль. На Доку они не обратили никакого внимания, только самец, подняв точеную головку с рожками, неприветливо хоркнул. У Доки тоже не было ни времени, ни желания знакомиться с живностью, которую ранее видел только в зоопарке. До темноты нужно было успеть перевалить через гору и поискать пристанище на ночь где-нибудь в степи. Он зашагал было к обратному склону горы, но тут откуда-то сбоку налетел теплый ветерок, после чего мир перевернулся, и Дока завис, подвешенный за ногу в нескольких метрах от земли. Глянув вверх, он выяснил, что «подвешенный» не совсем точное слово. Скорее его держала за ногу огромная, бурого цвета лапа. Ее владелец терялся

где-то еще выше.

Наступила долгая томительная пауза, зверюге, видимо, было ничуть не тяжело. Дока был измотан душевно и физически. Все законы, нормы правила, по которым он жил до последнего времени, испарились. Апофеозом всего произошедшего за день был тот факт, что он, Дока, в горах висит вниз головой, покачиваясь в свете нарождающейся луны, в лапах огромной обезьяны. Не понимая, чем он может себе в этой ситуации помочь, Дока вздохнул и, скрестив руки на груди, расслабился. Даже позволил себе тихонько, но вполне, как ему казалось, по-молодецки насвистывать. Дока понятия не имел, зачем он это делает, более того, он не любил да и не умел свистеть. Но сейчас губы сами сложились в трубочку и выводили нежную, с переливами мелодию.

Похоже, что поселившаяся в нем неведомая сила, спасшая его из каменного плена и от стрел охотников, вновь не подвела. Великан послушал посвисты Доки, потом бережно положил его на траву, сунув в руку кусок сушеного мяса, что-то глухо промышчал, тыча пальцем в сторону, куда ранее направлялся Дока, отрицательно покачав громадной головой, после чего коротко указал на тропинку, спускающуюся к реке. Только сейчас Дока в полной мере смог оценить его размеры: «Метров пять, не меньше!» На гиганте была надета какая-то диковинная расписная рубаха, размером с хороший парус, брюк и обуви Дока не заметил⁶. Развернувшись, тот

⁶ Судя по описанию, Дока встретился с таг ээзи, в хакасской мифологии – гор-

медленно побрел к чернеющей вдали березовой роще, косули, посверкивая в темноте красно-желтыми глазами, как собачки, поскакали за ним.

«Ну, с „бурым“ вроде разобрались, еще бы знать, что это за „желтые“ такие», – подумал, пряча мясо за пазуху и облегченно вздыхая, Дока, вспомнив предостережение старика-шамана. Совет великана был ясен, идти дальше нужно берегом, Дока и не думал ему противиться, поэтому, повернув, быстро зашагал по тропинке, ведущей к реке. Однако, завершить свой маневр он так и не сумел. Через пару сотен шагов тропинка круто устремилась вниз, к кромке воды, и Дока на полной скорости затормозил: на берегу, всего в нескольких десятках метров, слышались какие-то вскрики, горели костры, в отблесках их света были видны лодки, плавающие в небольшой заводи, рядом с берегом, и сидящие в них люди. В одной руке у каждого был зажат факел, в другой – маленькое кривоватое копье. «Гарпуны, – вспомнил Дока название оружия для рыбной ловли, – но ими же давно никто не пользуется!» Если бы не дневное происшествие с охотниками-лучниками, то он подумал бы, что попал на ночные съемки какого-то исторического фильма. Теперь же, наученный горьким опытом, Дока решил проявить здоровую осторожность и «обойти» проблему. К сожалению, сделать это можно было, только вернувшись назад, к тропе, по которой не советовал ему идти ужасный, но оказавший-

ся в итоге не таким уж и плохим пастух диких коз. Возвращаться не хотелось, но и идти дальше не было возможности: тропинка проходила прямо через лагерь странных рыбаков. Чуть помедлив, Дока осторожно и тихо повернул назад.

Отойдя на некоторое расстояние, он, насколько позволял свет маячившей за спиной яркой луны, перешел на быстрый шаг, стараясь держаться еле видимой тропинки. Почти час ушел у Доки на то, чтобы перевалить через обширное нагорье. Все чаще стали попадаться глубокие овраги, их он старался обходить по верху. Еще один спуск, один подъем, и, по его расчетам, дальше должна открыться степная долина, в центре которой находилось небольшое село. Там Дока и планировал переночевать, чтобы поутру добраться до города.

Уже на спуске Дока почувствовал неладное. Накатила слабость, ноги решительно не хотели идти вниз. Он остановился, не доходя нескольких метров до дна оврага. Вдруг ему показалось, что у корней поваленного дерева мелькнула и пропала бледно-желтая змейка. Дока сморгнул, нет, не показалось, еще одна желтая полоска заструилась от гнилой кроны по направлению к нему. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что это не змейка, а скорее, большой, до метра длиной, желтый червяк, во всяком случае, передвигался он как червяк. Существо подползло еще ближе, верхняя часть его начала ритмично покачиваться, а голова раскрылась, подобно цветку, лепестки-щупальца вытянулись. Дока заворо-

женно смотрел на это диво дивное, но острая боль в руке отвлекла его от созерцания. По пальцам, по ладони быстро растекалось багровое пятно, в центре его вызревали и лопались кровавые волдыри. Дока закричал дурным голосом, запрыгал, затряс рукою, боль не утихала. Случайно бросив взгляд на червя, он увидел, что лепестки-щупальца налились красно-розовым цветом. Дока чувствовал, как с каждым их движением на него накатывает новая волна боли. Не помня себя от ярости, он подхватил валявшийся на земле сук и метнул им в тварь. Сук угодил точно в центр «цветка». Древесина мгновенно почернела и рассыпалась в пыль, не причинив червя заметного вреда, но незримая связь прервалась. Боль отступила, руку, покрытую бурой коркой вместо кожи, истекающую кровью, Дока уже не ощущал. За то время, пока он воевал с червяком, количество «зрителей» значительно увеличилось, со всех сторон: из-под земли, кустарников, камней – выползали собратья желтой бестии. Они почти окружили Доку, отступить можно было только вверх, к вершине горы. Он, напрягая последние силы, кинулся бежать по склону. Доку пока спасало только то, что он передвигался чуть быстрее червей. Но врагов было слишком много, желтым ковром они заполнили все пространство оврага. Как умелые охотники загоняют испуганного оленя, так и черви пресекали любую его попытку вырваться из окружения. Тяжело дыша, Дока подошел к вершине горы и увидел, что с обратной стороны она на десятки метров вниз обрывается отвесной

скалой. Деваться было некуда, еще пара минут, и все. «Глупо жил и глупо умер!» – мелькнула в голове мысль, а глаза уже отыскивали камень поувесистей, все же хотелось забрать с собой напоследок хотя бы парочку тварей. Дока наклонился над камнем, но ухватить его никак не получалось, все тело превратилось в один почерневший сгусток боли. Напрягая волю, непослушными руками он зацепил камень и повернулся, чтобы лицом встретить врагов в последней битве. Но подломилась омертвевшая нога, и Дока, не выпуская камня, полетел вниз со скалы. Мгновения полета, и следовавший за ним страшный удар Дока не почувствовал – он потерял сознание. Его тело пару раз задело каменные уступы, потом с глухим стуком врезалось в крутой склон и покатило по нему, остановившись буквально в сантиметрах от края лежащей внизу красной каменной глыбы.

Он остался жив. Дока понял это, когда удалось сквозь кровавую пелену разглядеть червей, желтыми струйками спускающихся вниз по трещинам скалы. Тела он не чувствовал, желания жить тоже не было. Но все же какая-то природная сила, какая-то звериная упрямость подняла его, развернула к лежащей рядом глыбе и тут же покинула. Устоять на сломанных ногах не получилось, и Дока рухнул, с размаху ударившись лицом о шершавую поверхность камня.

Вокруг раскинулось небольшое море желтых червей, они заполнили весь склон, на котором лежала глыба, но на сам камень ни один червяк даже не попытался влезть. В полной

тишине сновали упругие тела, не решаясь преодолеть незримую границу, близ которой они теряли желтый цвет, становясь почти белыми.

Глава 3

*Смотрю на него и не вижу:
называю его глубочайшим.*

*Вслушиваюсь в него и не слышу:
называю его тишайшим*

На солнце жить и не сгореть человеку невозможно, это Дока знал твердо, но также он знал, что ему сейчас лежать на солнце очень приятно. Сияющая золотая поверхность убрала боль и наполнила силой. Теплый ветерок ерошил волосы, Дока лежал с закрытыми глазами, но, как ему казалось, всё видел, слышал и чувствовал. Поэтому шепот у него в голове прозвучал подобно грому, больно ударив по обнаженным нервам: «Оживи их! Оживи помощников! Отправляйся к Трехглазому – он поможет, научит, объяснит!»

Дока открыл глаза, рывком сел и огляделся. Занималось утро. Он сидел в центре большой каменной плиты, сплошь покрытой изображениями кругов, спиралей и кинжалов. Похоже, камень не только спас жизнь, но и исцелил его: переломов, ссадин, порезов больше не было. Со всего тела осыпалась бурая корка, под которой проглядывала совершенно здоровая кожа. Дока встал во весь рост и с хрустом потянулся. Армии врагов, едва его не погубивших, тоже больше не было. Кое-где, в отдалении еще мелькали желтые полос-

ки червей, но с первыми лучами восходящего солнца и они исчезли. Лишь сейчас Дока понял, насколько он голоден, за сутки и маковой росинки во рту не было, только воды напился, перебираясь через ручей, так это когда было, ближе к вечеру. Вспомнил о подарке великана, сунул руку за пазуху – удивительное дело: со всеми этими прыжками, бегом, падениями со скалы одежда превратилась в лохмотья, тело все искалечено, а сушеное мясо, поди ж ты, не пропало. С жадностью зверя Дока впился в упругие волокна и заработал челюстями. Мясо, видимо, было не простым – не съев и половины от маленького кусочка, он почувствовал, что совершенно сыт.

Блаженно вытянувшись на камне, который, несмотря на ночной холод, был даже слегка теплым, Дока предался размышлениям. Собственно, размышлять было не над чем, он находился на том же расстоянии от ответов на вопросы, что и вчера утром. Что с ним происходит? Куда исчез привычный мир с понятной, устоявшейся жизнью? Может, он, Санька Докучаев, лежит в больнице, а всё, что с ним приключилось в последнее время, – его собственный бред? Но усталость, раны, боль – всё было вполне реально. Нормальная реакция – обратиться за помощью к взрослым, ученым, врачам, экстрасенсам. Но, во-первых, до них еще нужно добраться, во-вторых, Дока подозревал, что внятных ответов на свои вопросы он не дожидается, в-третьих, всю свою сознательную жизнь он решал свои проблемы сам.

Ну, ладно, пока ясно, что ничего не ясно, но что делать дальше? Как истолковать «подсказку», которую он получил, пребывая в глубоком обмороке? Сны, видения, предсказания, советы – недавние события научили Доку воспринимать их всерьез и, во избежание всяких неожиданностей, хоть как-то пытаться объяснить. К примеру, что это за «помощники», которых он должен «оживить»? А «Трехглазый» – это имя, кличка, признак? И куда за ним он должен «отправиться»? Покидать камень, этот островок безопасности, пока категорически не хотелось.

Дока улегся поудобнее и, устремив свой взор на блестящие вдалеке воды широкой реки, подпер рукою голову. От этого движения из внутреннего кармана куртки выпал, коротко звякнув о камень, какой-то предмет. Брелок! Дока совершенно забыл о нем! Металлический кругляш лежал, красиво отливая золотом на фоне зеленоватых лишайников, покрывающих кое-где поверхность камня. Мельком глянув на железную стрелку и установив, что это никакая ни стрелка, а скорее миниатюрная лопаточка, Дока осторожно взял кругляш в руки и, поймав луч света, стал внимательно рассматривать тонкие линии, покрывавшие его поверхность. Одна сторона была оформлена просто: вдоль кромки проведена линия, замкнутая в окружность, внутри, рассекая круг на четыре равные части, нарисован крест. Другая – была буквально переполнена различными фигурами: деревья, кони, взявшиеся за руки человечки. Две спирали, венчавшие

композицию, показались Доке смутно знакомыми, где-то он их видел, причем, совсем недавно. Да вот же! Не только видел, но и локтем придавил! На поверхности камня, прямо под ним, были точно такие же спирали. Размером они, конечно же, были больше, но в остальном, вплоть до количества витков и неровностей линий, совпадение было полным. Как будто кто-то на металлической поверхности создал точную проекцию древних изображений.

Движимый лишь чувством любопытства, Дока поместил кругляш на спираль – ничего не произошло. При этом, он был уверен: что-то обязательно должно было случиться. Дока отчетливо помнил слова старика-шамана о «светящемся камне», опять же, о необходимости кого-то «оживить»: «... отдай светящемуся камню одну силу – возьми другую...», – говорил тот. Что же это за «одна – другая» сила, гадал Дока.

И тут его осенило! Если он сейчас сидит на «светящемся» камне (а тот во время сна, видения, действительно, светился как солнце), то та «сила», которую он должен отдать безжизненному камню, – сила жизни. Самое простое воплощение силы нашей жизни – кровь. Дока решительно рванул кусочек кожи на не до конца зажившей ране на руке, бывшей еще недавно страшной багрово-черной опухолью. На камень закапала кровь. Кровь капала на спирали, круги и мгновенно впитывалась, не оставляя на плите никаких следов. Волнуясь, Дока приложил еще раз кругляш к омытой его кровью спирали – ничего не произошло! «Что-то я себе нафантазировал», – успел подумать он, когда плита неожиданно качнулась, задрожала, вздулась и опала, как будто вздохнув. Дока, чтобы не слететь с нее, рухнул на колени, вцепившись в неровные края.

Когда дрожь камня прекратилась, он обнаружил, что держит в руках невесть откуда взявшуюся полуметровую колотушку, на рукояти которой болталось колечко со знакомым золотистым кругляшом. «Это что, стрелка?» – изумился удивительному превращению Дока, заметив, что пока размышлял над спиралями, кровь продолжала струиться по руке, железной лопаточке и капала на вполне реалистичные изображения кинжалов, один из которых светился мягким красноватым светом. Рукоять колотушки резко дернулась, рванулась из рук, лишь с большим трудом Доке удалось ее удержать. От кинжала отделилась струйка пара, несколько раз

свернулаась колечком и, уверенно подлетев к верхней части колотушки, к лопаточке, втянулаась в нее, после чего свет внутри изображения медленно потух, превратив его вновь в мертвый камень. Колотушка издала прерывистый вздох, мелко затряслась, и Дока отчетливо увидел проступающую сквозь контуры лопатки фигуру маленького человечка в меховой шубке и в остроконечной шапке, он держал этого человечка, ухватив за щиколотки. Тот смиренно сложил ручки на животе и ласково улыбался. Только явное добродушие малютки удержало Доку от желания заорать, откинув это *нечто* от себя подальше.

– Ты кто? – прошептал Дока.

– Очан мое имя, я твой помощник, хозяин, – неожиданно басовито ответил человечек.

– И в чем ты мне будешь помогать? – задал еще один «умный» вопрос Дока.

– Во всё! – ответил малыш. – Но мне будет гораздо легче это делать, если ты разбудишь моего старшего брата, Тубена⁷, – он скосил глаза на висящий в ногах кругляш.

Дока уже сообразил, как правильно «оживить» помощника. Не колеблясь, он снял с кольца металлический кружок, положил его на спираль и капал на него кровь до тех пор, пока она не потекла на рисунки. Дока был готов к тому, что камень будет дрожать, но на этот раз тряхнуло гораздо сильнее. Он обязательно слетел бы с плиты на землю, если бы

⁷ Тубен и Очан – в хакасской мифологии имена духов бубна и колотушки.

не маленькие, но на удивление сильные пальчики Очана, которые удержали его за штанину на месте. Когда камень успокоился, Дока с каким-то необъяснимым ликованием увидел большой бубен и просвечивающую сквозь его тонкую кожу ярко-золотую спираль на камне. Как проходило перемещение «души», он не увидел, лишь догадался об этом по тому, как поблекла спираль, и ходуном заходил, зарокотал бубен. Поднялась легкая золотистая дымка, и вот уже сквозь нее проглядывает силуэт костлявого, но широкого человечка. Выглядел он крупнее своего брата, ни улыбки, ни других проявлений эмоций, только внимательное ожидание.

– Здравствуйте, Тубен! – поздоровался Дока. Тот в ответ лишь на мгновение смежил веки.

– Мне нужна помощь, точнее, мне нужно знать, что происходит со мной и как вернуться домой.

– Есть место, где такие как ты могут получить ответы на правильно заданные вопросы, – голос Тубена был высоким, но с какими-то рокошущими тонами в конце слов.

– Как туда попасть? – спросил Дока.

– Мы не знаем, ты знаешь, – ответил Тубен, взглядом указав куда-то вниз. Дока глянул и даже рот приоткрыл от изумления: рука почти зажила, но в тех местах, где брызнула его кровь на лишайники, они выросли почти на десяток сантиметров, образовав бледно-зеленую «подушку».

– Ты знаешь, что делать дальше, – повторил Тубен, показав взглядом на запястье с изображением солнца, –

но прежде сними свою куртку, мы примем форму, которая не будет мешать тебе при переходе.

Дока стащил с себя то, что еще вчера было его курткой, теперь же представляло собою бахромку, дыры и кровавые разводы на сохранившихся участках ткани. Тубен подпрыгнул, мягко перевернулся в воздухе и, уменьшившись до металлического кругляша, поместился между нагрудными карманами, наглухо запечатав молнию, теперь куртку можно было одеть только через голову. Очан повторил движение старшего брата, но предпочел разместиться на спине, вновь став маленькой лопаточкой, висящей на откуда-то взявшемся кожаном шнурке.

Дока накинул на себя куртку и присел рядом с зеленоватым шаром лишайника. Он, действительно, был сообразительным парнем. Осторожно подняв левую руку, Дока надавил в центр куста, рука легко прошла сквозь лишайник и оказалась гораздо ниже уровня камня. Как и тогда в юрте, он ощутил какую-то тянущую силу, которая неумолимо повлекла его внутрь. Дока вдохнул воздуха в грудь, закрыл глаза и нырнул в зеленую, пахнущую прелой влагой пустоту. И на этот раз что-то одновременно дернуло его за все конечности, но сейчас удалось ощутить чувство полета. Пять-шесть секунд, и он с силой ударился о желто-серую каменную поверхность. Пробиваться сквозь камень, к счастью, не потребовалось, Дока увидел прямо перед собою две круглые, похожие на окошки дыры и, недолго думая, прыгнул

В одну из них.

Глава 4

Знающий человек не нагружен знаниями.

*Тот, кто нагружен знаниями,
– не знающий человек.*

Приземлился он в глубине большой пещеры. В центре ее ярко горел костер, вокруг которого сидело с десяток людей. Над головой у Доки тускло светились те самые окошки, оказавшиеся отверстиями в потолке пещеры, через которые в темные небеса лениво уплывал дым костра. На его неожиданное появление в спальняй части пещеры, а на это указывали разбросанные повсеместно шкуры, никто не то чтобы не отреагировал, а даже не вздрогнул и головы не повернул. Отсутствие внимания со стороны хозяев Доку вполне устраивало – нужно было отдышаться и осмотреться.

После беглого знакомства с обстановкой он понял, что прямоком угодил на вечерние посиделки. Две женщины натирали золой внутреннюю часть свежих шкур, еще одна, нимало не смущаясь окружающих, кормила младенца грудью. Четверо мужчин, похожих друг на друга как братья (а может, так оно и было), помогали пятому распускать тушу какого-то крупного животного на тонкие лоскуты, которые тут же развешивали на длинных жердях над костром. Еще один обитатель пещеры, старик, сидел у костра и, время от времени подбрасывая в него хворост, лакомился нанизанными на прутик кусками мяса, которые тут же, на костре, и готовил. Странно, но аромата жареного мяса Дока не почувствовал.

Старик доел кусок, придирчиво осмотрел обглоданную

косточку и кинул ее в костер. Тут же плотной волной на Доку накатили запахи мяса, дыма костра, душистых трав. Он чуть не захлебнулся слюной. Старик ладонью вытер жирные губы, встал и не торопясь отправился напрямик к нему. Только когда он подошел вплотную, Дока увидел, что тот был слепым. Оба глаза были закрыты бельмами. Один из мужчин что-то крикнул старику. Речь сплошь состояла из сочетания цоканья и рычания. Тот лишь досадливо отмахнулся. Он стоял в нескольких метрах от Доки и поводил лицом то в одну, то в другую сторону, напоминая принюхивающуюся собаку. Наконец, удовлетворенно кивнув, он подошел вплотную и спросил:

– Кто ты? Из какого мира пришел? – старик, произнося вопрос, рычал и цокал, но Дока его понял!

– Я не знаю других миров, кроме своего, – осторожно ответил он.

Старик напрягся, вслушиваясь в речь, и Дока с ужасом увидел, как в середине лба что-то под кожей моргнуло, и медленно открылся еще один глаз, даже в сумраке пещеры отливающий какой-то глубокой синевой.

– Кизи⁸, – вздохнул старик и продолжил, – я знаю твой мир, я бывал там, много тысяч лун отделяют нас, потомок, – он произносил слова медленно, как бы удивляясь и прислушиваясь к незнакомым для него звукам, – что тебе нужно?

– Я... я не знаю, что со мной происходит, – Дока совер-

⁸ Кизи (от хакасского) – человек.

шенно растерялся от открывшихся перспектив получить, наконец, ответы на терзающие его вопросы. – Как я здесь оказался, почему я могу проходить сквозь камень, что за существа на меня нападают, и как, скажите мне, как вернуться домой?

– Нет, не те вопросы, – покачал головой трехглазый старец, ожидающе уставившись на него синим глазом. Дока попытался собрать всю волю в кулак и сосредоточиться.

– Кто я такой? – после долгой паузы, наконец, спросил он.

– Я не знаю, кем ты был, – сказал старик, – но я знаю, что ты ближний потомок народа, именующего себя «кизи». Я не знаю, сколько продлится твоя жизнь, но я знаю, что ты будешь делать всё это время. Ты – шкура, закрывающая вход в жилище. Копья врагов ранят тебя, но пока ты защищаешь своих, ты не умрешь. Люди, ради которых ты страдаешь, пинают и плюют на тебя, но тебе не обидно. Ты – проход, соединяющий этих людей с небесами, и ты – лестница, по которой они спускаются в чрево земли. Ты – нож, забирающий излишки жизни, и ты – семя, сохраняющее утекающую жизнь. Ты – маленькая ямка на гладкой скале, благодаря которой огромный камень удерживается от падения в пропасть. В твоём мире, таких, как ты, называют «хам» или «шаман».

– Почему я? – выдавил из себя оглушенный Дока.

– Тебя выбрали они, – старик кивнул в сторону желтой бляхи на груди парня и ткнул ему за спину, указывая на же-

лезную лопатку.

– Они? – удивился Дока. – А при чем тут они?

– Это очень древний народ, один из первых на земле. Когда появились люди, этот народ уже почти исчез. У людей было много врагов, они не могли им противостоять. И тогда старость и молодость договорились. Они поклялись жить вместе, вместе охранять свое общее жилье. Люди стерегут от врагов внешнюю часть жилья, тот видимый мир, в котором живешь ты. А эти, – старик вновь кивнул на бляху, – они стерегут мир незримый, мир внутри жилья. Шло время, люди взрослели, все зорче вглядывались они вдаль, все надежнее возводили ограды вокруг своего дома, постепенно забывая о тех, кто остался внутри. Мы и нам подобные – последние нити, которые связывают союз двух народов. Без нас мир не рухнет и не пропадет, но в этом мире людям места уже не будет.

Дока молчал, не зная, как отреагировать на слова старика. Тот, не дождавшись вопросов, продолжил:

– В мире есть творцы, создавшие землю под нашими жилищами и небеса над ними. Есть хозяева, сохраняющие порядок, восстанавливающие разрушенное, поддерживающие накренившееся. Есть такие, как они, – вежливый поклон в сторону бляхи, – друзья в руках друзей и враги в руках врагов. Но больше всего тех, кто считает себя обиженными нашим союзом, лишенными законной добычи и причитающейся им территории. Такие есть в небесах, на земле и под

землей. Это наши настоящие враги. Если их не преследовать, не истреблять, людям придется худо, ибо они не только посылают болезни и мор, но и выворачивают наизнанку душу человека. Он теряет надежду, теряет себя и несет смерть своим близким.

Дока отчаянно замотал головой:

– Я не хочу! Я ни о чем с этим народом не договаривался. Я не давал своего согласия на такую жизнь!

– Давал, – голос старика стал еле слышным, – устами матери давал. Ты долго не приходил в ее жизнь, она ждала тебя, обращалась в отчаянии за помощью ко всем, кто ее мог услышать. И однажды, произнесла в нужном месте правильные слова. Она дала обет, имея в виду себя, но эти слова можно произносить только от имени будущего дитя. Раньше это знали, в твоё время – уже нет. И родился ты. Твоим предком, за девять поколений до тебя, был великий шаман, имеющий медный бубен. Теперь этот бубен твой. У тебя три пути. Первый – ты можешь выйти из пещеры, недалеко от нее лежит камень, через который ты попадешь в свой мир и своё время, ты вернешься домой. Но все хищники зримого и незримого миров уже разглядели тебя. Ты для них лакомая добыча, и очень скоро ты умрешь. Второй – ты становишься на уготованный тебе путь, но в глубине души не веришь, что всё, что происходит с тобой, – твоя настоящая жизнь. Ты не совершенствуешься, вместо того, чтобы побеждать врагов, ты их избегаешь. Не так скоро, но все же, ты погибаешь. Третий –

ты учишься, ты совершенствуешься, ты проходишь весь уготованный тебе путь, ты умираешь столько раз, сколько требует от тебя долг. В этом случае ты, если сильный враг встретится раньше положенного, тоже можешь погибнуть, но можешь и прожить весь уготованный тебе век, сделав близких тебе людей более счастливыми и передав верных союзников (кивок в сторону кругляша) своим потомкам.

Дока молчал, в тишине было слышно, как в дальнем углу пещеры с потолка капает вода. Думать было не над чем, все было решено за него еще до его рождения. Но, как это часто бывает, труднее всего, оказывается, принять уже принятое решение. Старик тоже молчал, своею неподвижностью напоминая статую. Наконец, Дока пошевелился:

– Что я должен делать? – голос жалкий, высокий, с хрипотцой. Но старик не обратил на это ровно никого внимания и заговорил монотонно, как будто читая написанное:

– Ты выйдешь из пещеры и поднимешься на гору над ней. Ближе к вершине этой горы есть одинокая сосна, она хорошо заметна. Рядом с сосной находится неглубокая яма. Спустишься в нее и переместишься в другое место и другое время. Твой первый шаг – шаг боли и бегства от врагов. Обрети искусство правильного бегства. Твой путь – это путь обретения трех истинных лиц. Способность, доставшаяся тебе от предков, – это способность быть змеей, оленем и орлом. Только обрета эти лица, ты сможешь начать свой новый жизненный путь, защитить себя и стать угрозой для врагов... Ар-рра-

ваа-аррв!

По мере того, как старик приближался к завершению своих наставлений, третий глаз в центре лба постепенно закрывался складкой кожи, речь становилась бессвязной, в чертах лица проступало что-то звериное. Наконец, он умолк и, казалось, погрузился в сон.

– Есть! Я хочу есть! – Дока, испугавшись, что теряет собеседника, стал, отчаянно жестикулируя, показывать на рот, изображая жевание. И старик его понял! Он отошел к костру, взял хорошо обглоданную кость, толстую, но при этом короткую, и бросил ее в костер. Повалил дым, и мир наполнился для Доки ароматами хорошо прожаренного мяса. Он сделал шаг к костру и с удовольствием втянул воздух. Поразительно! Вместе с запахами пришло и ощущение сытости. Старик опустил пальцы в ямку с водой, выдолбленную прямо в каменном полу пещеры, и стряхнул с них капельки прямо в костер. Рот Доки наполнился водой, он сделал большой глоток и чуть не захлебнулся.

Теперь он был сыт и напоен, оснащен каким-то подобием плана, оставалось решить одну проблему – пройти мимо соплеменников старика и остаться в живых. Опасаться было чего: чем больше Дока присматривался к обитателям пещеры, тем больше убеждался в том, что это не его современники. Длинные мускулистые руки, даже у женщин, выпирающие нижние челюсти и покатые лбы. Правда, никакой доисторической «обмотанности» шкурами не было, равно как

не было и волочащихся по земле дубин, часто упоминаемых в пособиях по истории. Одежда на них была кожаной, но хорошо пошитой. Накидки и что-то напоминающее примитивные штаны, крой для мужчин и женщин одинаковый. В их движениях была энергия силы и грации, указывающая на то, что шансов спастись у Доки, в случае обнаружения, не было. Его просто бы порвали на части. Но деваться все равно было некуда. Дока еще немного постоял, помялся, глядя на прикорнувшего у его ног старика, который мирно посапывал, завернувшись в большую шкуру, покрытую коротким рыжеватым мехом. Широко улыбаясь, Дока развел руки в стороны, показывая, что в них ничего нет, и вышел к костру. Никакой реакции! Никто даже головы не повернул.

– Извините! Я могу пройти? – громко спросил Дока. Мужчины продолжили спокойно резать мясо, женщины – чистить шкуры. Дока заподозрил неладное. Он громко хлопнул в ладоши, подпрыгнул – ноль внимания! Тогда, осмелев, Дока похлопал по плечу одного из мужчин. Тот сильно сморщился, побледнел и стал заваливаться. Его подхватили, и кто-то громко и испуганно вскрикнул. Дока оцепенел от осознания беды, виновником которой он почему-то стал. Стремительно из дальнего угла пещеры к умирающему метнулся проснувшийся старик. Он схватил его за руки и негромко, покачиваясь, стал напевать. Потом, ни на кого не глядя, протянул руку, в которую пожилая женщина вложила черный камень с острыми зазубренными краями. Ста-

рик уверенным движением рассек камнем плечо больному, зачерпнул, что-то нашептывая, остывшей золы из кострища и стал посыпать ею рану. Потом достал из складок одежды пучок какой-то травы и бросил его в костер. От костра повалил густой белый дым, старик полой куртки, как опахалом, направил дым на страдающего непонятным недугом, тот через некоторое время вздрогнул, тело его свело судорогой, он еще раз конвульсивно дернулся и задышал. В этот момент на Доку накатила дурнота, руку, коснувшуюся плеча мужчины, ударило как разрядом тока, ладонь онемела. Старик вытер покрытое крупными каплями пота лицо и, как показалось Доке, хмуро глянул на него чуть приоткрывшимся третьим глазом.

– Идем! – старик ткнул рукой в сторону выхода из пещеры. Доку разбирало любопытство, он никак не мог уразуметь сути происходящего. Старик и юноша перебрались через невысокую насыпь из мелких камней, обозначающую «порог» пещеры, и остановились.

Первым, помолчав, заговорил старик:

– Ты пришел издалека, на тебе пыль других времен и земель. Обычные люди тебя не видят и не чувствуют, как не видели бы меня в твоём мире. Живой и теплый человек для своего мира, здесь – ты холодная, несущая смерть тень. Людей в нашем мире тебе можно не бояться, но звери, звери видят тебя хорошо, они различают запахи чужих миров – их надо беречься. А теперь уходи, да откроются тебе пути вре-

мен.

Дока, сообразив, что он едва не стал причиной смерти далекого предка, понурился. Но надо было прощаться.

– Мы еще увидимся? – спросил он мудрого слепца. Тот стоял, глядя в сумерки, поблескивающим в центре лба синим глазом.

– Да, мы увидимся, – наконец, ответил он, – но я буду совсем другим, я тебя не вспомню.

Кивнув на прощание, Дока побрел прочь от пещеры, вдоль склона оврага, который ему нужно было обойти, чтобы взобраться на вершину горы. Было, пожалуй, тепло, но при этом лицо почему-то обдувало ледяным ветерком. Дока пожегил и ускорил шаг. Он обогнул густые заросли какого-то колючего кустарника и столкнулся с неожиданной преградой. «Преграда» мирно паслась в десятке метров от выскокившего из кустов Доки. У парня от сложного чувства, вмещающего в себя одновременно испуг и восторг, перехватило дыхание. Перед ним находился чудовищный зверь: высотой в холке метра три, обросший желтовато-бурой шерстью, он напоминал гигантского носорога, но его единственный огромный рог, как пика, выпирал из центра лба. Животное, подняв массивную голову, моргало маленькими близорукими глазками и приняховивалось, пытаясь определить источник шума.

«Да это же... эласмотерий!⁹» – Дока помнил изображения доисторического монстра в энциклопедии, когда в прошлом году готовил реферат по мамонтам. «Это ж куда меня занесло! Эласмотерии же вымерли сорок тысяч лет назад!» – он даже присвистнул, в восхищении разглядывая живую гору, увенчанную грозным блестящим рогом. Это было ошибкой, эласмотерий, наконец, отыскал врага и, судя по его реакции, совершенно не разделял восторгов Доки. Он запыхтел, как паровоз, расшвыривая трехпальными ногами щебенку. Потом резко нагнул голову и вонзил рог в землю, оставляя на ней глубокую борозду, подцепил рогом куст и, в буквальном смысле, метнул его в Доку. Чтобы избежать встречи с тучей пыли, камней и колючих ветвей, тому пришлось глубоко присесть, практически упасть на землю.

⁹ Эласмотерий – род ископаемого носорога с одним большим рогом посередине лба, отличался большими размерами – рост 2,5 м, длина до 6 м, вес до 5 тонн.

Уже приподнимаясь, Дока почувствовал легкое содрогание земли и услышал грохот, указывающий на то, что эласмотерий перешел в наступление. «Беги!» – пискнул медальон, и Дока, собрав все свои силы, припустил вверх по склону горы. Он набрал приличную скорость, но усиливающийся шум за спиной указывал на то, что зверь неумолимо приближается. «Прыгай влево!» – прогудел за спиной Очан, и Дока послушно рванул в сторону, уловив боковым зрением, как освободившееся только что пространство пронзил смертоносный рог. Силы были на исходе, Дока понимал, что, если он сейчас ничего не предпримет, позже шансов спастись у него уже не будет. Резко вильнув вправо, он несколькими огромными прыжками пересек полянку и птицей, не обращая внимания на царапины и ссадины, взлетел на стоящую особняком высокую сосну.

Дока сидел на развилке, почти у самой вершины, обхватив тонкий ствол руками и ногами, и пытался отдышаться. Сердце бешено колотилось, пот застилал глаза, но пока он был жив, и это главное. Далеко внизу, под сосной, глухо топал эласмотерий, поводя по сторонам мордой, заканчивающейся коротким хоботком. Он чувял Доку, но никак не мог определить, где тот находится. Наконец, монстр остановился у ствола в том месте, где Дока на него взбирался, – враг все-таки был обнаружен. Чуть в стороне, за кустами, замелькали какие-то тени. На полянку выбежало более двух десятков зверей, похожих на волков, но гораздо крупнее и како-

го-то черного с желтыми подпалинами окраса. Эласмотерий грозно повел рогом в их сторону, и волки мгновенно растворились в дымке вечернего леса. Эта сценка не добавила Доке оптимизма, и так было понятно, что он невольно рассердил одного из хозяев этих доисторических просторов. Но как выбраться из сложившейся ситуации? Дока лихорадочно искал и не находил выхода, деваться с дерева было решительно некуда. Оставалось только набраться терпения и ждать, пока зверюга успокоится и займется своими делами.

Но у эласмотерия были совсем другие намерения. Он крепко приложился хребтом к стволу и почесался о него. Дерево закачалось, вниз посыпались шишки, хвоя, веточки. Дока еще крепче вцепился в развилку. После этого зверь немного отодвинулся и с размаху вонзил рог в землю у самых корней сосны, потом еще раз. На земле остались две глубокие борозды. Потом он вновь почесался – дерево закачалось сильнее. Дока уже просчитал, что его ожидает в ближайшем будущем: эласмотерий целеустремленно расшатывал дерево, обрывая у него корни и подрывая землю. Рискуя каждую секунду сорваться, Дока стал пробираться к краю самой длинной ветки, обращенной в обратную траектории возможного падения дерева сторону. Его план был прост: когда дерево рухнет, часть ветвей спружинит, в этот момент нужно постараться соскользнуть и бежать. Бежать к следующему дереву. До полной темноты оставалось совсем немного, и Дока сильно рассчитывал, что у эласмотерия нет ночного зре-

ния. Всего три захода потребовалось гиганту, чтобы вековая, в обхват, сосна, как-то совсем по-человечески застонав, стала заваливаться.

Дока приготовился прыгать, но он не смог предвидеть силу удара кроны о землю. Что-то его подхватило и отшвырнуло в сторону на добрый десяток метров. Он неудачно упал в какое-то углубление, умудрившись при этом еще и провалиться по пояс в рыхлую землю. Всё, спасения не было! Эласмотерий, довольно пыхтя, уже рысил в его сторону.

Но, видимо, не судьба была Доке принять смерть столь экзотическим способом: от давно вымершего чудовища в сорока тысячах лет от времени своего рождения. Он уже почувствовал знакомую по прежним перемещениям тянущую силу. Ему вновь совершенно неправдоподобно повезло: дерево отбросило его не куда-нибудь, а именно в точку перехода! Он проваливался все быстрее, но и рог эласмотерия приближался с той же скоростью. Дока успел даже разглядеть тонкие свежие царапины на кончике острия, когда его поглотила тьма.

Глава 5

*Что скривилось – тому быть целым
Что согнулось – тому быть прямым.
Порожнему – быть полным.
Ветхому – новым быть.*

Полет был недолгим, на этот раз Доку, для разнообразия, выбросило не внутрь скалы, а в узкую трещину. Он отметил, что с каждым разом перемещения ему даются всё легче. Рывки в начале и в конце уже не выворачивали конечности, а если вытянуть левую руку ладонью вперед, то и ударов о камень можно избежать.

Дока бочком протискивался по трещине к свету, когда проход резко расширился, и он буквально выпал в небольшую пещерку. Выход из пещерки перекрывала сплошная пелена воды, дно ее было мокрым и скользким, где-то в отдалении слышался глухой шум водопада. Дока не удержался на ногах, отчаянно замахал руками, но все равно рухнул на спину и заскользил вниз. Его окатило ледяной водой, приложило спиной об угловатый выступ, но всё же спустя минуту он мокрый, грязный, но практически целый выползал на топкий берег ручейка.

Когда удалось, наконец, очистить лицо от липкой грязи, Дока огляделся. Он находился на дне живописной горной до-

лины. Ручеек, образованный водопадом, через несколько сотен метров впадал в озеро. Вдали виднелось еще несколько водопадов, чуть ниже – еще одно озеро. От такой красоты, от сочетания сочной зелени, ярких цветов, белых снежников и небольших ледников у Доки аж дух захватило. Однако мокрое и грязное тело быстро заявило духу о своих правах. Ласковое солнце пригревало, но не настолько, чтобы Доку не стало буквально колотить от холода. Быстро оценив обстановку, он принял единственно правильное решение – подняться по горному склону к тому месту, где ручей обрывается со скалы водопадом. Прогретые солнцем скалы давали больше тепла, чем сырые берега озер.

Подъем занял всего несколько минут. Дока расположился на небольшой каменной площадке, рядом с руслом, проточенным водой в скале. Он вымыл лицо, снял с себя и выстирал всю одежду, потом, поеживаясь, вымылся сам в студеном струях. Примостившись голышом на самом краю пропасти, куда с шелестом срывались воды ручья, Дока блаженно сощурился, купаясь в лучах живительного солнечного тепла.

– А что, хозяин, не перекусить ли нам? – от неожиданно раздавшегося из сохнувшего белья голоса Дока сильно вздрогнул и едва не сорвался вниз со скалы. За всеми этими тревожностями он совсем позабыл о своих друзьях, к слову, спасших ему жизнь в недавнем приключении. Дока подхватил куртку и встряхнул ее, наблюдая, как лопаточка и металлический кругляш превращаются в человечков. Он рас-

стегнул чудом сохранившийся внутренний кармашек куртки и достал оттуда размякший от воды кусочек мяса. Поколебавшись, Дока разорвал мясо по слипшимся волокнам на три равные части:

– Угощайтесь! – он протянул Тубену и Очану их долю и недоуменно нахмурился, услышав в ответ залиvistый смех.

– Да нет, хозяин, эта пища не про нас! – наконец, отсмеявшись, вымолвил Очан. – Мы всё больше паром или дымом сыты, да ты сам всё знаешь!

Действительно, Дока припомнил, как он сам насытился дымом от сжигаемых костей в пещере.

– Так я теперь что, тоже... дымом? – спросил он.

– Нет, – ответил на этот раз Тубен. – Там у тебя это получилось, потому что ты был настолько далеко от своего мира, настолько чужой для того мира, что видеть тебя мог только Трехглазый, для остальных ты был паром, маревом, тенью. Это и спасло тебя от зверя, в своем привычном виде ты погиб бы сразу.

– И как же теперь быть?

– Ты костерок-то разведи да кусочек в него брось, вот мы и пообедаем, – объяснил Очан.

– Так ни спичек, ни зажигалки нет, как костер развести? – пожал плечами Дока.

Тубен и Очан недоуменно переглянулись, потом Тубен вздохнул: «Давай-ка я, брат, объясню».

– Мы не знаем, как создано всё это, – Тубен обвел руками окрестности, – хотя живем мы, как сказал бы человек, уже несколько миллионов лет. Но мы хорошо знаем, по каким законам этот мир живет. Главный закон – сохраняй равновесие всегда и во всём. Что-то взял, что-то нужно отдать, что-то изменил, обязательно что-то восстанови. В настоящем можно жить, только если прошлое по значению уравнивает будущее. Жизнь уравнивает смерть, действие – покой. Поскольку зло и добро у каждого свое, жизнь надо выстраивать так, чтобы в ней злых и добрых людей было примерно одинаково. Окружая себя только добрыми людьми, ты, при встрече со злом, обязательно потерпишь поражение, окружая только злыми, еще до встречи с добром ты потеряешь невосвратно смысл в жизни и душу. Теперь, когда ты это знаешь, представь, что мы – твои братья, у нас есть мать, у которой есть спички. Что ты сделаешь, чтобы разжечь огонь?

– Как что, попрошу спички!

– Правильно, – удовлетворенно кивнул Тубен, – просить, спрашивать разрешения, выполнять пожелания – это единственный язык, на котором можно разговаривать с другими. Приказы, окрики, указания – это язык для общения с самим собой. В нужном месте правильно сказанное слово всегда приводит к справедливому результату. Я мог этого и не говорить, эти и многие другие знания достались тебе от предков и дремлют, ожидая своего часа. Но скоро тебе придется действовать очень быстро, для принятия правильных решений

ты должен понимать суть происходящего. А теперь возьми в руки два камня. Очан, а ты принеси сухого мха.

Очан мигом принес добытый из трещины мох и, строго посмотрев на Доку, произнес:

– Повторяй за мной, слово в слово.

Дока согласно кивнул, чувствуя себя немного неловко в голом виде, да еще и с камнями наперевес.

– О, Мать-огонь! Ты держишь купол мира

Над теми, кто тобою был спасен.

Дай нам, живым, тепла и света!

Насыть детей! Дай накормить тебя!

Очан произносил слова нараспев, прикрыв глаза, рукой указывая Доке, когда тому нужно вторить. Чувствуя себя еще более глупо, тот бормотал слова обращения, решительно не понимая, зачем он это делает. «Стишки так себе: ни рифмы, ни смысла», – успел подумать Дока.

– Бей! – крикнул Тубен. Дока оглянулся на него, Тубен жестами показывал, что нужно ударить камень о камень. Дока ударил. Удар был слабым, но от камней отделилась длинная искра и упала на мох, тот задымился. А Очан уже раздувал огонек, подкладывая листочки и прутики. Не прошло и минуты, как у ног Доки полыхал небольшой, но самый настоящий костер.

– И это всегда работает?! – Дока был потрясен.

– Только, если ты искренен в просьбе и, действительно, нуждаешься, – ответил Тубен. Дока оторвал от кусочка мяса

пару волокон и кинул в огонь. Мысленно он поблагодарил «Мать-огонь» и пожелал приятного аппетита своим товарищам.

Остатков мяса вполне хватило Доке, чтобы насытиться. Навпившись прямо из ручья, он почувствовал, впервые за последние два дня, что жизнь налаживается. Он жив, сыт, согрет, и одежда почти высохла. Отогрелись, поевши, и его спутники. Очан и Тубен затеяли веселую возню у серого валуна. Очан прислонил свою колотушку к камню и, уморительно кривляясь, стал ползти по ней вверх. «Так это он меня изображает!» – сообразил, наконец, Дока, вспомнив, как поспешно он взбирался на дерево, спасаясь от эласмотерия. Со стороны выглядело, действительно, смешно. Дока и Тубен хохотали, глядя, как Очан, вцепившись в верхнюю часть колотушки, испуганно вертел головой, показывая, как Доке было страшно сидеть на вершине падающей сосны.

Неожиданно Тубен вскинул руку вверх, его личико искажилось от напряжения, и на скале мгновенно установилась тишина.

– Ложись! – в два голоса крикнули Тубен и Очан, шустро юркнув за камень. Дока задержался, вертя головой, пытаясь сообразить, откуда пришла очередная напасть. Напасть проявилась с совершенно неожиданной стороны: медленно над водопадом поднялась какая-то темная фигура. Она плавно ступила на край скалы, и Дока увидел перед собой бледного молодого человека, немногим старше его самого, одетого

в темный широкий плащ и с почему-то закрытыми глазами. Незнакомец медленно поднял лук и наложил на тетиву черную стрелу. Неуловимым движением лучник натянул тетиву и послал стрелу в стоявшего в десятке метров совершенно растерявшегося Доку. От неминуемой смерти его спас Тубен. Молнией метнувшись за доли секунды до выстрела, он подпрыгнул, вновь обратившись в медальон, изменил траекторию полета стрелы. Та, пройдя в сантиметрах от плеча Доки, глубоко вонзилась в камень. Очан, выскочив вслед за Тубеном, сильным ударом подсек ноги Доки, и тот, вскрикнув, рухнул за валун, больно приложившись затылком о камень. Тут же над головой у него в скале расцвели еще две черные стрелы.

Перед глазами Доки появился растрепанный, весь какой-то взъерошенный Тубен. Он повернулся боком и ткнул пальцем в зорчатую окантовку своей накидки:

– Хватай!

Дока вцепился в грубую, шершавую ткань.

– А теперь представь, что я – это лук, и встряхни меня! – проревел Тубен. Дока сделал, как ему велели: раз тряхнул, другой, третий. После первого раза Тубен обвис тряпочкой, после второго – затвердел кривой палкой, третий – и в руках у Доки зажат небольшой, но увесистый лук.

– Стреляй! – Очан уже протягивал ему медно-красную стрелу. – Стреляй в печень! Дока знал, где находится печень, но никогда раньше не стрелял из лука. Осторожно он выгля-

нул из-за камня и тут же присел – в скалу над макушкой, осыпав его каменной крошкой, вонзилась еще одна стрела. Незнакомец успел за это время приблизиться на несколько шагов. Выглянув на мгновение, Дока послал стрелу. Выстрел оказался неудачным, стрела пролетела мимо, лишь слегка оцарапав ногу. Лучник, похоже, даже не заметил этого.

– Держи! – Очан протягивал следующую стрелу. – Стреляй наверняка! Если промажешь, он убьет тебя!

Дока кивнул, упал на живот и подполз к небольшой щели в нижней части камня. Незнакомец почти достиг валуна, в щель было хорошо видно, как он приближается, как будто скользя по воздуху. Дока наложил стрелу на тетиву, тщательно прицелился и выстрелил. Красной молнией метнулась стрела, вонзившись точно в цель. Тень остановилась, потом задрожала, юноша, так и не открывая глаз, сделал шаг в сторону, медленно завалился на спину и рухнул, подняв тучи брызг, в ручей. На несколько секунд тело замерло, покачиваясь как поплавок, потом течение подхватило его, подтащило к краю обрыва и обрушило вниз с водопадом.

– Вставай, хозяин, можно! – Очан потрепал Доку за плечо. – Хороший выстрел!

Дока встал, потом снова упал на колени, ему было очень плохо.

– Я... я человека убил..., – наконец, вымолвил он.

– Это не человек, – отозвался Тубен, вновь ставший самим собой, – это спящий.

– Спящий? – тупо переспросил Дока.

– Спящий, спящий, и нам о-о-очень повезло, что это всего лишь спящий, – произнес Тубен, – впрочем, ты ж пока еще ничего не знаешь, давай объясню. Спящий – это еще не состоявшийся шаман. Его дар «спит», но он есть, и он способен влиять на других. Сила шамана зависит от числа помощников, – Тубен указал на себя, – а также от воли и умений самого шамана. Когда спящий не желает «просыпаться», то главные помощники, такие же как мы с братом, могут отправить спящего на охоту. Если охотник будет успешным, отряд его помощников увеличится, и они совместными усилиями «разбудят» спящего, если нет – страдания от полученных во время охоты ран также могут «пробудить» будущего шамана. Спящий гораздо слабее обычного шамана, потому что его проклятиями, «стрелами», – пояснил Тубен, заметив недоуменный взгляд Доки, – руководит не воля шамана, а помощники. Поэтому я легко и отвел от тебя стрелу, ее направил такой же как я. По этой причине тебе, хотя ты всего лишь «идуший», удалось его победить. Твоя воля и наши умения оказались сильнее. При этом, спящего практически невозможно убить.

– Так он живой?

– Живой, живой, – подтвердил Тубен. – Немного поболит и все, может, «проснется». Единственная возможность окончательно победить спящего, это вбить его душу сюда, – Тубен распахнул накидку и показал большой внутренний кар-

ман. Здесь спящий дозреет и «проснется» верным другом. Но для этого твоих нынешних умений недостаточно.

– Пора, – подал голос Очан.

– Да, заболтались, – огласился Тубен, – если уж нас нашел спящий, то и для других это тоже не станет проблемой. Одевайся, пора выдвигаться.

– Куда? – задал, натягивая на себя чуть влажную одежду, давно мучавший его вопрос Дока.

– Ну, на вопрос «куда», ты нам сам вскоре и ответишь, – улыбнулся Тубен, – гораздо интереснее ответ на вопрос «зачем». Нам нужно отыскать одно из твоих лиц, нужно уговорить змею.

– Уговорить змею?

– Да, обрести лицо змеи можно, только уговорив ее изредка этим лицом с тобой делиться.

– И я стану змеей?

– Нет, – покачал головой Тубен, – ты останешься собой, но на короткое время ты будешь видеть, чувствовать, перемещаться и восприниматься другими как змея. Иногда тебя это будет выручать. Да, – Тубен внимательно посмотрел на Доку, – надо будет еще потренироваться в стрельбе и бегстве, а то за тобой не напрыгаешься каждый раз.

– Ну что, хозяин, где переход? – лукаво осведомился Очан. Дока пожал плечами, пока он успешно находил переходы, но всякий раз это получалось, как ему казалось, случайно.

– А ты расслабься, представь, что ты, твое тело – это вся эта долина, тут – голова, там – руки, ноги. А теперь попробуй почувствовать, в какой части у тебя холодок, такое противное тянущее ощущение, – предложил Тубен.

Дока закрыл глаза и представил: действительно, ощущение было. Он открыл глаза.

– Где? – деловито спросил Очан. – На себе покажи!

– Вот здесь, – Дока ткнул пальцем чуть ниже коленной чашечки левой ноги.

– Ах, ты ж, – вздохнул Очан, – жаль!

– Что, проблемы?

– Да нет, одежду твою жаль, чего было сушить, если сейчас в воду лезть придется. Ну, пошли, что ли!

Очан запрыгнул на правую руку Доки, Тубен расположился на левой, веса в них было немного, и вся троица отправилась в нижнюю часть долины, к большому озеру, в который величаво, с высоты нескольких десятков метров низвергался еще один водопад.

Оскальзываясь на каменистой осыпи, Дока подошел к самой береговой кромке, аккуратно ссадил товарищей и попробовал рукою воду – она была ледяной. В предчувствии холодной ванны по всему телу побежали мурашки. Дока нерешительно потоптался на берегу, не представляя, как поступить дальше. Очан смиренно сидел на прибрежном камешке, покусывая травинку, Тубен с легкой насмешкой наблюдал за Докой.

– Какие идеи, хозяин? – раздался голос Очана за его спиной.

Тут только Дока впервые отметил для себя, что с тех пор, как он обрел попутчиков, их словарный запас, манера общения, образ мысли сильно изменились. Тубен и Очан как будто настраивались на его мысли и речь, все больше в общении воспроизводя самого Доку.

– Место перехода под водой, примерно в двадцати метрах отсюда, поэтому ничего, кроме как «поплавать и нырнуть», пока не придумал, – ответил Дока.

– Или..., – прозвучал вкрадчивый голос Тубена, – можно..., думай, вспоминай, что «можно»!

– Можно..., – неуверенно начал Дока, лихорадочно прокручивая в голове варианты, – можно... попросить!

Тубен удовлетворенно кивнул:

– Но просить можно далеко не каждого хозяина вод. Многие из них уже связаны более ранними обязательствами с другими и тебя просто не услышат. Этого, – Тубен кивнул в сторону озера, – давно никто ни о чем не просил, с ним можно договориться.

Очан спрыгнул с камешка, подошел к самой воде и встал на колени, ткнув пальчиком рядом с собой. Дока присел на указанное место. Прикрыв глаза, Очан также, слегка нараспев, заговорил:

*Владыка вод! Иссия-черный бык —
Твой верный конь!*

*Да приумножатся твои несметные стада озерных рыб!
Да укрепится дом твой прибывающей водой!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.